

ВОЕННО-БОЕВОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО: СТАРЫЕ ТРАДИЦИИ – НОВАЯ ДЕФИНИЦИЯ

С.Н. Шарапов,

профессор кафедры уголовного права Военного университета, кандидат
юридических наук, доцент, полковник юстиции запаса

В статье делается вывод о том, что практически на всем протяжении исторического развития в отечественном военно-уголовном праве содержалось значительное количество норм, предусматривающих повышенную уголовную ответственность за воинские преступления, совершаемые в военное время или в боевой обстановке. Совокупность данных норм военно-уголовного права, предусматривающих основания и порядок привлечения военнослужащих к ответственности и назначения им наказания за совершение воинских преступлений в военное время или в боевой обстановке, предлагается определять как военно-боевое уголовное право. Указанная совокупность военных норм образует систему, которую можно выделить в специальный комплексный институт военно-уголовного права как подотрасли военного и уголовного права.

Анализируется практика применения норм военно-боевого уголовного права органами военной юстиции в особые периоды. Обосновывается необходимость дальнейшей криминализации преступлений против военной службы, совершаемых в военное время или в боевой обстановке.

В последние годы понятие «военно-уголовное право» стало активно использоваться в теории не только военного, но и уголовного права, а также в среде практических работников органов военной юстиции. Это обусловлено постоянно возрастающим вниманием общества к обеспечению военной безопасности и обороноспособности Российской Федерации, а также к проблемам комплектования и функционирования Вооруженных Сил Российской Федерации. Особую актуальность указанные вопросы приобретают сегодня – во время проведения специальной военной операции. Кроме того, только благодаря проведению специальной военной операции и обусловленным этим изменениям в том числе военно-уголовного законодательства возникла современная итерация правового феноме-

на, который мы называем военно-боевым уголовным правом.

Прежде всего, отметим, что, вопреки расхожему мнению, самым древним правом является не древнеримское, и даже не древнеавилонское или древнеиндийское, а так называемое командное право, под которым понимается право военного вождя отдавать воинам племени во время ведения военных действий обязательные для исполнения приказы, а также право военного вождя карать воинов за неисполнение своих требований и другие нарушения¹. Именно из этого командного права позднее появилось то, что в настоящее время называется военным правом, которое представляет собой самостоятельную отрасль в отечественной правовой системе. Карательная же составляющая ко-

¹ Аннерс Э. История европейского права. М., 1996. С. 12.

мандного права трансформировалась в военно-уголовное право. А.В. Кудашкин применительно к истории появления военного права так и утверждает: «военно-уголовное право (с него все и началось...)»².

При этом всегда и везде, во все времена преступления воинов, совершаемые ими в условиях войны, на поле боя, при ведении боевых действий, карались значительно строже, нежели аналогичные деяния, совершенные в мирное время.

Воинские преступления представляли наиболее разработанную в юридическом отношении часть римского уголовного права, что было обусловлено значением боеспособной и дисциплинированной армии для римского государства. Так, в древнеримской армии в военное время за потерю штандарта легиона, побег с поля боя, проявление трусости в бою, бунт и дезертирство в качестве наказания практиковалась децимация, которая заключалась в том, что в провинившемся отряде по жребию отбирали каждого десятого солдата. Затем тех легионеров, на кого пал жребий, перед строем всего войска закалывали мечами или копьями.

Исторический опыт свидетельствует, что в отечественном военно-уголовном законодательстве с самого начала его формирования также предусматривались нормы об ответственности служивых людей за преступления, совершенные не только в мирное, но и в военное время.

Так, в Уставе ратных, пушкарских и других дел, касающихся до военной науки (1621) регламентировалась ответственность за такие деяния, как сношение с неприятелем, самовольная отлучка от пушки вблизи неприятеля, неимение пушкарем

своего орудия в постоянной готовности к выстрелу вблизи неприятеля³. Позднее в Соборном уложении (1649) содержались нормы, предусматривавшие уголовную репрессию за сдачу города врагу, переход на его сторону, дезертирство в военное время⁴.

В Воинском артикуле Петра I (1715) предусматривалась уже достаточно развитая система воинских преступлений, ответственность за которые наступала во время военных действий. При этом за целый ряд воинских преступлений, совершенных в военное время: «если случится сие в походе против неприятеля», «стоя пред неприятелем» или «особливо тогда, когда с неприятелем в бой вступят» предусматривалось практически единственное наказание – «лишение живота», т. е. смертная казнь. Децимация как наказание за воинские преступления также была предусмотрена в Воинском артикуле.

Источники военно-уголовного законодательства на дореволюционном этапе его развития (Полевое уголовное уложение 1812 г., военно-уголовные уставы 1839 и 1859 гг., воинские уставы о наказаниях 1869 и 1875 гг., законы, содержавшие нормы военно-морского уголовного законодательства) в обязательном порядке включали в себя составы преступлений военного времени.

В советский период также придавалось огромное значение укреплению воинского правопорядка в военное время уголовно-правовыми средствами.

Так, в Положении о революционных военных трибуналах (1919) при определении подсудности дел в районе военных действий, помимо общеуголовных и контрреволюционных преступлений, назывались «преступные деяния специального военно-

² Кудашкин А.В. Право вооруженных конфликтов – ядро военного права: проблемы и актуальность современных исследований // Право в Вооруженных Силах. 2021. № 12. С. 88.

³ Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. С. 4 – 5.

⁴ Боев В.И., Кочубей М.А., Новиков А.П. Война и уголовный закон. М., 2009. С. 101 – 103.

го характера» (п. «г» ст. 4): неисполнение боевых приказов и противодействие исполнению таковых другими лицами, частями, отрядами; переход на сторону неприятеля и добровольная сдача в плен; самовольное оставление поля сражения; нарушение правил караульной службы в районе боевых действий армии; злостное дезертирство из частей, штабов, управлений и учреждений, расположенных в районе данной армии; умышленное уничтожение или повреждение специально военных учреждений; похищение, умышленное повреждение и уничтожение предметов вооружения, обмундирования, снаряжения и всех прочих видов военного имущества, а равно промотание тех же предметов; явно небрежное хранение в складах тех же предметов; буйство и всякого рода азартные игры в районе боевых действий армии⁵.

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. воинские преступления были выделены в самостоятельной главе (гл. VII), ст. 200 которой определяла их как деяния, направленные против установленного порядка несения военной службы, которые «по своему характеру и значению» не могут быть совершены гражданами, не состоящими на военной или морской службе. Остальные нормы данной главы с точки зрения их законодательной конструкции (юридической техники) можно разделить на две группы:

1) преступления, где «военное время» и «боевая обстановка» входят в объективную сторону в качестве квалифицирующих признаков и сопровождаются усилением санкций (от трех лет лишения свободы со строгой изоляцией до высшей меры наказания): сопротивление исполнению законного от-

данного по военной службе приказа или распоряжения (ч. 2 ст. 203); побег, т. е. самовольное оставление военнослужащим своей части или места службы с целью уклониться от несения военной службы или от участия в боевых действиях (ч. 2 ст. 204); самовольная отлучка (ч. 2 ст. 205); промотание предметов казенного обмундирования и амуниции, а равно умышленная порча их или оставление без присмотра и в ненадлежащем месте (ч. 3 ст. 207); нарушение уставных правил караульной службы и законно изданных в развитие этих правил особых приказов и распоряжений (ч. 4 ст. 208);

2) преступления, которые могут быть совершены исключительно в военное время или в боевой обстановке: уклонение от несения военной службы или от участия в боевых действиях путем причинения себе какого-либо повреждения или путем иного обмана (ст. 206); «самовольное отступление военного начальника от данной ему диспозиции или иного распоряжения, отданного для боя, сдача им неприятелю вверенных ему отрядов, укрепления или военного судна, а равно уничтожение или приведение в негодность укрепления, судна, орудий, складов оружия, продовольственных припасов и других предметов, принадлежащих к средствам ведения войны, в тех случаях, когда указанные деяния учинены без всякого намерения способствовать неприятелю, а лишь в силу неправильной оценки им с точки зрения пользы дела сложившейся во время боя обстановки» (ст. 210); самовольное оставление поля сражения во время боя, отказ во время боя действовать оружием против неприятеля (ст. 211); переписка и сношение военнослужащего во время войны с кем-либо находящимся в неприятельской армии, во владениях неприятеля или в местности, занятой войсками неприятеля (ст.

⁵ Сборник документов по истории советской военной юстиции: учеб. пособие для слушателей / сост. Л.Н. Гусев. М., 1954. С. 76.

212); военный шпионаж (ст. 213); мародерство, под которым понималось «противозаконное отображение при боевой обстановке у гражданского населения принадлежащего последнему имущества, с употреблением угрозы военным оружием и под предлогом необходимости сего отображения для военных целей, а также снятие с корыстной целью с убитых и раненых находящихся у них вещей» (ст. 214). За все названные преступления предусматривалась смертная казнь.

Положение о воинских преступлениях 1924 г. в основном воспроизвело приведенную систему, внося ряд уточнений в редакцию указанных выше статей. Также были добавлены два новых состава преступления: «преднамеренная, не вызывавшаяся боевой обстановкой, сдача в плен» (ст. 14) и «противозаконное насилие над гражданским населением» (ст. 18).

Эти же нормы получили дальнейшее развитие в Положении о воинских преступлениях 1927 г.

Были разделены на два отдельных состава самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений и сдача неприятелю военных сил и средств ведения войны. Последний состав был расширен: кроме уничтожения средств ведения войны, он стал предусматривать также «непринятие начальником надлежащих мер к уничтожению или приведению в негодность перечисленных средств ведения войны, когда им грозит непосредственная опасность захвата неприятелем и уже использованы все способы сохранить их» (ст. 20).

Кроме того, вышеназванное Положение установило уголовную ответственность за оставление погибающего военного корабля (ст. 23).

Изменилось понятие мародерства, под которым стало пониматься похищение на

поле сражения вещей, находящихся при убитых и раненых (ст. 27), тогда как разбой, грабеж и противозаконное уничтожение имущества были перенесены из этого состава в статью о насилии над населением района военных действий (ст. 28).

Указанное выше Положение также включило в себя группу составов преступлений против законов и обычаев войны: дурное обращение с пленными (ст. 29); незаконное ношение в районе военных действий знаков Красного Креста или Красного Полумесяца (ст. 30) и злоупотребление в военное время флагами или знаками Красного Креста или Красного Полумесяца (ст. 31).

Кроме того, в предвоенный период и в период Великой Отечественной войны были введены в действие уголовно-правовые нормы, предусматривавшие повышенную уголовную ответственность не только военнослужащих, но и «гражданских лиц» за преступления, совершавшиеся в военное время. Это такие преступления, как «контрреволюционная агитация и пропаганда в военной обстановке»; «уклонение от очередного призыва на действительную военную службу»; «отказ и уклонение в условиях военного времени от внесения налогов или от выполнения повинностей»; «неуплата в срок специального военного налога», «бесхозяйственность, невыполнение обязательств по договорам в боевой обстановке»; «уклонение от призыва по мобилизации в военное время» и др.

Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. не потребовала внесения значительных коррективов в нормы о воинских преступлениях военного времени. Условия военного времени не могли не отразиться на практике применения мер уголовного наказания. Суровые санкции за совершение воинских преступлений во время Вели-

кой Отечественной войны широко применялись военными трибуналами. Приговоры к расстрелу в боевой обстановке в ряде случаев приводились в исполнение перед строем воинской части.

Переработка норм о воинских преступлениях военного времени с учетом опыта прошедшей войны была произведена лишь в 1957 – 1958 гг. и завершена с изданием в 1958 г. Закона об уголовной ответственности за воинские преступления (далее также – Закон).

Не оправдали себя на практике содержащиеся ранее в военно-уголовном законодательстве нормы об ответственности начальника за самовольное отступление от данных ему для боя распоряжений (ст. 210 УК РСФСР 1922 г., ст. 13 Положения о воинских преступлениях 1924 г., ст. 21 Положения о воинских преступлениях 1927 г.). Они сковывали инициативу командиров, приводили к тому, что некоторые из них при резко изменившейся боевой обстановке избегали принимать самостоятельные решения, не согласующиеся с ранее полученным распоряжением⁶.

Не была включена в Закон и норма о сношении с лицами, находящимися на территории, занятой войсками неприятеля (ст. 210 УК РСФСР 1922 г., ст. 15 Положения о воинских преступлениях 1924 г., ст. 26 Положения о воинских преступлениях 1927 г.), так как во время Великой Отечественной войны связь с советскими гражданами, оказавшимися на временно оккупированной территории, была важным подспорьем в деле организации всенародного отпора гитлеровским захватчикам⁷.

Остальные изменения Закона носили редакционный характер и преследовали цель

упрощения терминологии и приведения ее в соответствие с положениями действовавших военных уставов и норм Общей части уголовного права.

В итоге Закон включил следующие специфические преступления, которые не встречаются в мирное время (в том числе преступления против законов и обычаев войны): сдача или оставление противнику средств ведения войны (ст. 25); оставление погибающего военного корабля (ст. 26); самовольное оставление поля сражения или отказ действовать оружием (ст. 27); добровольная сдача в плен (ст. 28); преступные действия военнослужащего, находящегося в плену (ст. 29); мародерство (ст. 30); насилие над населением в районе военных действий (ст. 31); дурное обращение с военнопленными (ст. 32); незаконное ношение знаков Красного Креста и Красного Полумесяца, злоупотребление ими (ст. 33).

Закон так же, как и ранее действовавшее Положение о воинских преступлениях, был составной частью общесоюзного уголовного законодательства, а его нормы без изменений входили в гл. 12 «Воинские преступления» УК РСФСР 1960 г. и были закреплены в ст.ст. 261 – 269 УК РСФСР.

В УК РСФСР 1960 г. в 26 составах воинских преступлений из 34 содержались составы преступлений военного времени, а также квалифицированные составы преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за деяния, совершенные в военное время или в боевой обстановке. При этом в 17 составах этих воинских преступлений предусматривалось наказание вплоть до смертной казни.

Однако следует особо отметить, что период действия УК РСФСР 1960 г. характеризуется тем, что, несмотря на наличие соответствующих норм, предусматривающих

⁶ См. подробнее: *Шупленков В.П.* Уголовно-правовая борьба с преступлениями против обороны страны в военное время. М., 1986. С. 91 – 92.

⁷ Воинские преступления / Х.М. Ахметшин [и др.]. М., 1970. С. 278.

повышенную ответственность за совершение воинских преступлений в военное время или в боевой обстановке, органами военной юстиции данные нормы практически не применялись.

За послевоенные годы наиболее богатый опыт по применению норм военно-уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за воинские преступления, совершаемые в военное время или в боевой обстановке, накоплен органами военной юстиции в период участия советских войск в вооруженном конфликте на территории Афганистана в 1979 – 1989 гг.

В связи с тем что понятие «военное время» вполне очевидно связывается с необходимостью наличия состояния войны, а в Афганистане СССР «выполнял интернациональный долг», органы военной юстиции, в том числе с учетом политической конъюнктуры, вполне правомерно не учитывали «военное время» при квалификации воинских преступлений.

Вместе с тем, понятие «боевая обстановка» вовсе не обязательно может возникать только в военное время. В случае если военнослужащие организованно участвуют в вооруженном противоборстве в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, понятие «боевая обстановка» может применяться в том числе и в части квалификации воинских преступлений, совершаемых в «мирное время». В этой связи вполне очевидно, что в Афганистане Вооруженными Силами СССР решались задачи в условиях боевой обстановки в зоне вооруженного конфликта.

На наш взгляд, в указанный период при квалификации воинских преступлений соответствующие квалифицирующие признаки (боевая обстановка) должны были учиты-

ваться органами военной юстиции. Н.А. Петухов абсолютно правильно предлагал считать, что каждый военнослужащий «после объявления боевого приказа на участие подразделения (части) в боевой операции и до ее окончания находится в боевой обстановке»⁸.

При этом в структуре судимости военнослужащих, действовавших в составе войск в Афганистане, значительное место занимали именно воинские преступления, связанные с нарушением правил обращения с оружием, утратой оружия и боеприпасов, нарушением уставных правил взаимоотношений между военнослужащими и др.

Известны лишь несколько случаев осуждения военными трибуналами военнослужащих за совершение преступлений с применением квалифицирующего признака «в боевой обстановке» на территории Афганистана с 1980 по 1988 гг. Однако это – скорее исключение из правил.

Объективно «боевая обстановка» на территории Афганистана безусловно была. Причем она была настолько реальной, что даже мешала деятельности органов военной юстиции. Выезды на место преступления и проведение следственных действий нередко оборачивались боестолкновениями с противником.

Впоследствии, после вывода советских войск из Афганистана в феврале 1989 г., Верховным Советом СССР в ноябре 1989 г. была объявлена амнистия в отношении всех советских военнослужащих, совершивших преступления во время боевых действий в Афганистане.

Вместе с тем, огромный опыт работы органов военной юстиции в данный период следует признать успешным, но, к сожалению, он до настоящего времени никем не

⁸ Петухов Н.А. История военных судов России: моногр. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2022. С. 270.

обобщен и не проанализирован. Хотя такое исследование способствовало бы совершенствованию в том числе военно-уголовного законодательства.

«Афганский синдром» в правоприменительной практике органов военной юстиции повторился и во время выполнения задач в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике и на прилегающих к ней территориях Российской Федерации, отнесенных к зоне вооруженного конфликта: с декабря 1994 г. по декабрь 1996 г.

В указанный период перед органами военной юстиции вновь встал вопрос о применении норм, предусматривающих повышенную ответственность за воинские преступления, совершаемые в военное время или в боевой обстановке, к военнослужащим, выполняющим задачи в зоне вооруженного конфликта в Чеченской Республике. При этом следует отметить, что данный вопрос обсуждался практическими работниками органов военной юстиции совместно с учеными-юристами и военными учеными.

В 1996 г. в Военном университете состоялась научно-практическая конференция, посвященная вопросам применения военно-уголовного законодательства в зоне вооруженного конфликта в Чеченской Республике. Были высказаны различные точки зрения. В очередной раз большинство ученых отмечали, что, безусловно, понятие «военное время» неприменимо к вооруженному конфликту немеждународного характера на территории Чеченской Республики, но понятие «боевая обстановка» вполне может быть применено, поскольку военнослужащим, участвующим в данном вооруженном конфликте, отдавались боевые приказы на выполнение задач, они непосредственно участвовали в вооруженных столкновениях с противником.

Однако вновь правоприменительная практика органов военной юстиции не пошла по пути применения норм, предусматривающих повышенную уголовную ответственность за совершение воинских преступлений в боевой обстановке.

Кроме того, не применялись данные нормы и в случаях совершения военнослужащими воинских преступлений фактически в боевой обстановке при выполнении задач в вооруженном конфликте на территории Республики Таджикистан (1992 – 1997), а также в других многочисленных вооруженных конфликтах, в которых участвовали Вооруженные Силы СССР и Российской Федерации.

Таким образом, на всем протяжении исторического развития отечественное военно-уголовное право содержало значительное количество норм, предусматривающих повышенную уголовную ответственность за воинские преступления, совершаемые в военное время или в боевой обстановке.

Усиление ответственности за данные преступления обусловлено очевидной повышенной общественной опасностью этих преступных деяний, которая заключается в том, что, во-первых, в военное время и в боевой обстановке на военнослужащих возлагаются дополнительные обязанности, возрастают требования к качеству исполнения ими своих служебных обязанностей, и совершение преступления военнослужащим в боевой обстановке может существенным образом повлиять на выполнение боевой задачи целым подразделением. Во-вторых, только в военное время, в боевой обстановке или на поле боя могут быть совершены специфические преступления, которые не встречаются в мирное время, такие как: уклонение от участия в боевых действиях, сдача противнику средств ведения войны, неисполнение обязанностей

командирами в боевой обстановке, мародерство и другие преступления.

Впервые нашедший закрепление в УК РСФСР 1922 г. общий подход к регламентации уголовной ответственности за преступления, совершенные в военное время, сохранился и в позднейших источниках отечественного военно-уголовного права. Он заключался, прежде всего, в отражении в качестве квалифицирующих признаков большинства воинских преступлений их совершения в военное время и в боевой обстановке.

Помимо этого, в самостоятельных составах устанавливалась ответственность за специфические преступления, не встречающиеся в мирное время и посягающие на такие стороны воинского правопорядка, которые характерны именно для военного времени и боевой обстановки. Условно такие составы подразделялись на три группы: 1) преступления на поле боя; 2) преступления в плену и 3) преступления против законов и обычаев войны.

Высокая общественная опасность преступлений военного времени находила отражение в суровых санкциях за их совершение. Все они наказывались длительными сроками лишения свободы или смертной казнью.

Совокупность данных норм военно-уголовного права, существовавших в системе отечественного военно-уголовного права практически на всем протяжении его развития, предусматривающих основания и порядок привлечения военнослужащих к ответственности и назначения им наказания за совершение воинских преступлений в военное время или в боевой обстановке, определяется нами как военно-боевое уголовное право.

Указанная совокупность военно-уголовных норм образует систему, которую можно выделить в специальный комплексный

институт военно-уголовного права как подотрасли военного и уголовного права.

Вместе с тем, при принятии действующего УК РФ в 1996 г. богатый отечественный опыт военно-уголовного права не был реализован, в результате чего произошла существенная деградация его «военной» составляющей.

Количество статей о воинских преступлениях (они стали называться преступлениями против военной службы) в действующем УК РФ по сравнению с УК РСФСР 1961 г. сократилось на треть, с 35 до 22. При этом наиболее значимый урон был нанесен как раз составам воинских преступлений, которые могут совершаться только в военное время или в боевой обстановке, т. е. военно-боевому уголовному праву.

Были полностью декриминализованы такие традиционные для отечественного военно-боевого уголовного права составы преступлений, как сдача или оставление противнику средств ведения войны; самовольное оставление поля сражения и отказ действовать оружием; добровольная сдача в плен; мародерство и др.

Предусмотренные в Законе об уголовной ответственности за воинские преступления 1958 г. составы преступлений против законов и обычаев войны: дурное обращение с военнопленными, незаконное ношение знаков Красного Креста и Красного Полумесяца, злоупотребление ими, а также ряд составов иных воинских преступлений, таких как преступные действия военнослужащего, находящегося в плену, и насилие над населением в районе военных действий, были преобразованы во вновь введенный состав преступления «Применение запрещенных средств и методов ведения войны» (ст. 356 УК РФ), который был включен в разд. XII и гл. 34 «Преступления против

мира и безопасности человечества». Однако субъект этого преступления общий, а не только военнослужащий.

Наконец, при принятии действующего УК РФ были полностью исключены квалифицированные составы преступлений, предусматривающих более строгую ответственность за совершение воинских преступлений (ст.ст. 332 – 352), если они были совершены в военное время или в боевой обстановке⁹.

Из числа преступлений против порядка несения военной службы в боевой обстановке и в районе военных действий в УК РФ нашел отражение лишь состав оставления погибающего военного корабля (ст. 345).

Применительно к уголовной ответственности военнослужащих за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, в ч. 3 ст. 331 УК РФ было установлено, что она определяется законодательством Российской Федерации военного времени.

Таким образом, при принятии действующего УК РФ в 1996 г. традиционная для отечественного уголовного права структура военно-уголовных норм об ответственности за воинские преступления, совершаемые в военное время и в боевой обстановке, а также за воинские преступления, совершаемые только в условиях военного времени (военно-боевое уголовное право), была демонтирована, в результате чего УК РФ оказался полностью «демобилизованным». Военно-боевое уголовное право в системе отечественного уголовного и военного права перестало существовать.

Первое время после вступления в силу действующего УК РФ складывалось впечатление, что и сами разработчики данного

Кодекса, выполняя задачи гуманизации и демократизации уголовного законодательства в условиях перехода России к правовому государству и к рыночной экономике, не смогли прийти к единому мнению относительно вопроса криминализации воинских преступлений, совершаемых в военное время и в боевой обстановке, и оставили его решение «на потом».

По мнению А.А. Тер-Акопова, такая конструкция уголовного закона была вполне обоснованной, так как существование военно-уголовного законодательства, ориентированного на войну, было в какой-то степени оправдано в период «холодной» войны и противостояния двух, капиталистической и социалистической, социальных систем. С ликвидацией противоборства устраняются и предпосылки для межгосударственных вооруженных конфликтов, и это, согласно теории криминализации, должно было привести к исключению из УК РФ преступлений военного времени, что и было сделано в новом уголовном законодательстве. Вместе с тем, интересы военной безопасности требуют определенной мобилизационной готовности войск к ведению войны, которая включает и готовность правового регулирования отношений, возникающих в связи с ведением военных действий. Поэтому ст. 331 УК РФ предусмотрела установление уголовной ответственности за преступления, совершаемые в военное время, в законодательстве военного времени¹⁰.

Высказывались мнения и о несвоевременности дополнения уголовного закона составами о воинских преступлениях военного времени. Так, В.В. Лунеев отмечал: «Если бы подобные нормы были включены

⁹ Шаранов С.Н. О необходимости «мобилизации» Уголовного кодекса Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. 2022. № 4. С. 67 – 74.

¹⁰ Тер-Акопов А.А. Развитие военно-уголовного законодательства России // Уголовное право Российской Федерации. Преступления против военной службы: учеб. М., 1999. С. 33 – 34.

в УК РФ в 1996 г., они не вызвали бы настороженности (но в то время тоже довела политика), а принятие подобных изменений и дополнений в военно-уголовное законодательство спустя почти 10 лет может вызвать недоумение в других странах. Нетрудно сделать журналистскую сенсацию: «Россия готовится к войне»¹¹.

Однако подавляющее большинство ученых – военных юристов все же полагали необходимым разработку уголовно-правовых норм об ответственности военнослужащих за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке (военно-боевого уголовного права).

В связи с изложенным за последующие два десятилетия после принятия действующего УК РФ в юридической литературе была развернута активная научная дискуссия, написаны десятки статей и защищено несколько диссертаций, обосновывающих необходимость внесения соответствующих изменений в военно-уголовное законодательство.

Против отсутствия в действующем УК РФ соответствующих норм, обеспечивающих применение уголовного законодательства за преступления, совершаемые военнослужащими в военное время и в боевой обстановке, приводились следующие аргументы.

Во-первых, вполне очевидно, что приступать к разработке «законодательства военного времени», в том числе регламентирующего ответственность за преступления, совершаемые военнослужащими в военное время, необходимо уже в мирное время. В условиях военного времени или после фактического начала военных действий возможности законодателя в этом направлении будут весьма ограничены.

Во-вторых, одной из основных задач уголовного права является предупреждение преступлений. В этой связи отсутствие в действующем уголовном законодательстве уголовно-правового запрета на совершение военнослужащими определенных преступлений в военное время и в боевой обстановке, а также отсутствие квалифицированных составов преступлений против военной службы, совершаемых в военное время или в боевой обстановке, не должным образом сказывается на выполнении уголовным законом функции общей превенции. Преступления, совершаемые в военное время, а также ответственность за их совершение должны быть известны уже в мирное время.

В-третьих, необходимость криминализации преступлений, совершаемых военнослужащими в военное время и в боевой обстановке, обусловлена, прежде всего, предназначением Вооруженных Сил Российской Федерации, а также решаемыми ими специфическими задачами. Повышенная общественная опасность преступлений против военной службы, совершаемых в условиях военного времени и в боевой обстановке, очевидна. Такие преступления причиняют существенный вред боевой готовности, который может выражаться в срыве выполнения боевых задач, в неоправданных потерях среди личного состава, его деморализации и т. п.

В-четвертых, отсутствие указанной правовой регламентации оказывает негативное воздействие на обеспечение эффективности деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, снижает уровень боеготовности, а также является негативным фактором, определяющим боевое поведение военнослужащих в условиях боевой обстановки.

Так, Х.М. Ахметшин, призывая к дальнейшему совершенствованию действующей

¹¹ Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2005. С. 754.

шего военно-уголовного законодательства Российской Федерации, отмечал, что положение ч. 3 ст. 331 УК РФ не согласовывается со ст.ст. 1 и 14 данного Кодекса, которыми устанавливается, что уголовное законодательство Российской Федерации состоит из названного Кодекса (ст. 1), а преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное данным Кодексом под угрозой наказания. В этой связи необходимо разработать уголовно-правовые нормы об ответственности военнослужащих за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке. Вооруженные Силы и другие войска Российской Федерации должны быть готовы не только к отражению агрессии против Российской Федерации, но и к борьбе с незаконными вооруженными формированиями, бандитскими и террористическими группировками в целях их ликвидации во время внутренних вооруженных конфликтов¹².

В рамках действующего уголовного законодательства России единственным приемлемым, необходимым вариантом Д.В. Кайсин полагал включение новой главы в разд. XI УК РФ, в которой были бы закреплены соответствующие составы преступлений, совершаемых в военное время или в боевой обстановке, а также внесение изменений в статьи Общей части УК РФ касательно уточнения порядка и условий назначения наказания в такой обстановке, освобождения от уголовной ответственности, наказания¹³.

¹² *Ахметшин Х.М.* Преступления против военной службы // Рос. юстиция. 1997. № 5. С. 42; *Его же.* Военно-уголовное законодательство Российской Федерации: статья // Избранные труды. М., 2011. С. 220 – 221; *Его же.* Действующее законодательство Российской Федерации о преступлениях против военной службы нуждается в совершенствовании: статья // Избранные труды. С. 222 – 223.

¹³ *Кайсин Д.В.* Источники уголовно-правовой системы Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.,

В свою очередь, Г.И. Загорский и Ю.А. Зюбанов предлагали в ст. 331 УК РФ ч. 3 исключить, а ч. 1 изложить в редакции, распространяющей действие гл. 33 названного Кодекса на преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершенные в том числе в военное время либо в боевой обстановке, и одновременно с этим дополнить гл. 33 УК РФ соответствующими нормами, применяемыми в условиях военного времени или в боевой обстановке, а также усовершенствовать Общую часть УК РФ¹⁴.

В.И. Боев, М.А. Кочубей, А.П. Новиков указывали на необходимость ответить на следующий принципиальный вопрос: нужен ли отдельный уголовный закон военного времени или же требуется создать блок специальных норм, действующих только в период военного положения, и включить его в действующий УК РФ? По их мнению, ст. 1 «Уголовное законодательство Российской Федерации» УК РФ следует дополнить ч. 4 в следующей редакции: «В случае объявления военного положения на территории Российской Федерации может быть принято уголовное законодательство военного времени, действие которого ограничено временем действия военного положения и нормы которого подлежат включению в настоящий Кодекс»¹⁵.

Нельзя сказать, что законодатель не предпринимал никаких усилий по включению в УК РФ норм о воинских преступлениях, совершаемых в военное время и в боевой обстановке. Такие попытки были, но к положительному результату, к сожалению, они не привели.

2005. С. 18.

¹⁴ *Загорский Г.И., Зюбанов Ю.А.* Действие российского уголовного закона в военное время либо в боевой обстановке // Военная юстиция в России: история и современность. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 472 – 473.

¹⁵ *Боев В.И., Кочубей М.А., Новиков А.П.* Война и уголовный закон. М., 2009. С. 147 – 148.

Так, с 2001 г. в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации находился на рассмотрении проект федерального закона № 130883-3 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (в части совершенствования военно-уголовного законодательства). Активное участие в разработке данного законопроекта приняли и ученые кафедры уголовного права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации. Предлагалось дополнить гл. 33 УК РФ ст.ст. 352.3 – 352.7, устанавливающими ответственность за преступления, совершаемые исключительно в военное время или в боевой обстановке, а также предусмотреть более строгие санкции за совершение иных воинских преступлений при таких обстоятельствах. 2 декабря 2008 г. законопроект с рассмотрения Государственной Думы был снят в связи с отзывом субъектом права законодательной инициативы¹⁶.

В результате несовершенства военно-уголовного законодательства после принятия УК РФ 1996 г., в связи с отсутствием составов воинских преступлений военного времени (боевой обстановки) (военно-боевого уголовного права) квалификацию содеянного военнослужащими в таких условиях было необходимо осуществлять по общим нормам, содержащимся как в гл. 33 УК РФ, так и в иных главах уголовного закона. Например, самовольное оставление поля сражения или отказ действовать оружием в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного могло образовывать состав неисполнения приказа (ст. 332 УК РФ), сдача

или оставление командиром (начальником) противнику средств ведения войны – расцениваться как халатность (ст. 293 УК РФ), а хищение имущества у убитых и раненых (мародерство) – в качестве кражи или грабежа (ст.ст. 158, 161 УК РФ)¹⁷.

Кроме того, до внесения соответствующих изменений в уголовный закон в случае совершения военнослужащими в боевой обстановке предусмотренных действующими ст.ст. 332 – 352 УК РФ преступлений против военной службы необходимо было учитывать в качестве отягчающего наказания обстоятельства совершения преступления в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, в условиях вооруженного конфликта или военных действий (п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Однако следует отметить, что, несмотря на отсутствие норм военно-боевого уголовного права в действующем законодательстве, учет преступлений против военной службы, совершаемых в боевой обстановке, а также при проведении контртеррористических операций, органами военной юстиции все это время велся и их точное количество известно.

Так, по данным Главной военной прокуратуры, на территориях Чеченской Республики с 1996 по 2015 г. и Таджикистана (только с 1996 по 1998 гг.) военнослужащими в условиях межнационального конфликта, чрезвычайного положения и проведения контртеррористических операций совершено 90 преступлений против военной службы, а в боевой обстановке – 783, из которых в 1999 г. совершено 173, в 2000 г. – 196, в 2001 г. – 222, в 2002 г. – 177. Таким образом, в периоды наиболее активного участия

¹⁶ См. подробнее: Законопроект № 130883-3 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (в части совершенствования военно-уголовного законодательства) / внесен в Государственную Думу 19 сентября 2001 г. депутатами Государственной Думы Безбородовым Н.М., Сигуткиным А.А., Чайка В.В. // Государственная Дума. Официальный сайт. URL: <http://www.duma.gov.ru/>

¹⁷ Военно-уголовное право: учеб. / под ред. В.В. Ершова и В.В. Хомчика. М., 2020. С. 487.

Вооруженных Сил Российской Федерации в решении «боевых» задач в мирное время совершалось значительное количество преступлений против военной службы.

Более 25 лет ушло у представителей военно-юридической науки на то, чтобы привлечь внимание законодателя к отсутствию в действующем УК РФ необходимых норм, обеспечивающих применение уголовного законодательства за преступления, совершаемые военнослужащими в военное время и в боевой обстановке. И только в связи с началом специальной военной операции удалось решить данную многолетнюю проблему.

Вполне очевидно, что в условиях современной военно-политической обстановки отсутствие военно-боевого уголовного права являлось более недопустимым. Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ были частично решены вопросы ответственности за преступления против военной службы, совершаемые в период мобилизации, военного положения, в военное время, в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Прежде всего, указанным Законом ч. 3 ст. 331, которая на протяжении 25 лет создавала вредную правовую коллизию, признана утратившей силу. Установлены квалифицированные (отягчающие) составы воинских преступлений, предусматривающие усиление ответственности за совершение не всех, но большинства преступлений против военной службы в период мобилизации, военного положения, в военное время, в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Всего усилена ответственность по 13 составам воинских преступлений из 21. Так-

же введены такие составы преступлений, как: отказ от участия в военных или боевых действиях (ч. 2.1 ст. 332 УК)¹⁸, добровольная сдача в плен (ст. 352.1 УК РФ) и мародерство (ст. 356.1 УК)¹⁹.

Указанными изменениями УК РФ не только устранена нелогичность и пробельность военно-уголовного законодательства, но и обеспечена должная уголовно-правовая охрана военной безопасности Российской Федерации в условиях мобилизации и проведения специальной военной операции. При этом криминализация указанных преступлений осуществлена с современных и реалистичных позиций с учетом последних достижений науки военно-уголовного права, она отвечает современным реалиям и потребностям и является пусть и не вполне своевременным, но вполне адекватным законодательным решением, учитывающим складывающуюся военно-политическую обстановку внутри страны и за ее пределами. Санкции новых составов преступлений вполне учитывают их повышенную общественную опасность. Военно-боевое уголовное право вновь заняло свое место в структуре военно-уголовного и военного права.

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный

¹⁸ Данный состав может рассматриваться в качестве своеобразного аналога состава самовольного оставления поля сражения или отказа действовать оружием, ответственность за совершение данного преступления предусматривалась ст. 27 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления 1958 г.

¹⁹ При этом вновь введенное понятие «мародерство» существенно отличается от принятого в советском военно-уголовном законодательстве, начиная с Положения о воинских преступлениях 1927 г. Теперь это не собственно воинское преступление, посягающее на порядок несения военной службы в боевой обстановке и в районе военных действий и выходящее в похищении на поле сражения вещей, находящихся при убитых и раненых, а преступление против мира и безопасности человечества, представляющее собой, по сути, специальный вид применения запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК РФ). Соответственно и совершить это преступление может не только военнослужащий.

кодекс Российской Федерации» от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ УК РФ был дополнен нормами, предусматривающими особенности освобождения от уголовной ответственности (ст. 78.1 УК РФ) и наказания (ст. 80.2 УК РФ) в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, которые мы также относим к нормам военно-боевого уголовного права.

Кроме того, Федеральным законом «О внесении изменений в статью 331 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 28 декабря 2024 г. № 507-ФЗ военно-боевое уголовное право было дополнено нормами, регламентирующими ответственность граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, созданных в соответствии с Федеральным законом «Об обороне» от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ (ч. 4 и примечания 1 и 2 ст. 331 УК РФ).

Таким образом, следует констатировать, что в связи с началом специальной военной операции в отечественном военно-уголовном праве вновь появились нормы военно-боевого уголовного права, тем самым произошла его реинкарнация.

И это значимое событие повлияло в том числе и на понимание места военно-уголовного права в системе права. Так, по мнению А.И. Рарога: «Возвращение в УК РФ норм об ответственности военнослужащих за преступления, совершаемые при боевых столкновениях с неприятелем, означает, что российское военно-уголовное право, которое с января 1997 г. по 24 сентября 2022 г. пребывало в статусе уголовного-правового института, возвращает себе статус подотрасли уголовного права»²⁰.

²⁰ Рарог А.И. Военно-уголовное право России: состояние и перспективы // Правовое государство: теория и практика.

Следует также отметить, что аналогичные уголовно-правовые нормы (военно-боевое уголовное право) широко представлены в военно-уголовном праве значительного количества стран. При этом военно-уголовное право западных стран уже давно находится «в полной боевой готовности» и сконструировано таким образом, что его нормы могут применяться как в мирное, так и в военное время. Примечательно в этой связи, что в Итальянской Республике действуют целых два военно-уголовных кодекса: мирного и военного времени²¹.

Вместе с тем, в настоящее время решены далеко не все проблемы военно-боевого уголовного права, требуется сделать целый ряд шагов, направленных на преодоление очевидного противоречия между потребностями практики органов военной юстиции в части ликвидации имеющихся проблем в вопросах уголовной ответственности за преступления против военной безопасности, совершаемые в особые периоды, и отсутствием должного реагирования со стороны законодательных органов.

Представляется, что дальнейшее совершенствование действующего военно-боевого уголовного права, приведение военно-уголовного законодательства в соответствие с современными реалиями и угрозами существенным образом повысит эффективность уголовно-правового обеспечения военной безопасности России в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий (особые периоды).

2023. № 3. С. 45 – 52.

²¹ Мишуткин И.В., Смирнова М.А. Терминологическая неопределенность военно-уголовных кодексов Итальянской Республики и ее влияние на правоприменительную практику // Военно-филол. журн. 2024. № 1. С. 17 – 29.